

К вопросу об украинском коллаборационизме

Ю. Федоровский*

Как известно, международный термин «коллаборационизм» обозначает предательское сотрудничество лиц из местного населения с фашистскими оккупантами в годы Второй мировой войны. Разгром фашизма в победном 1945 году, казалось, положил конец этому уродливому явлению. Однако спустя полвека в некоторых странах, причисляющих себя к Европе, возникли условия, способствующие массированным попыткам реабилитировать коллаборационистов, а затем и героизировать их деятельность. Это имеет прямое отношение к Украине. Нынешний режим президента Ющенко во внутренней идеологии и политике фактически вернулся к воинствующему национализму начала 1990-х годов. В этом ряду — одиозные указы о ликвидации советских памятников, о чествовании коллаборанта Шухевича, о признании вояков УПА, об изъятии из библиотек для уничтожения «коммуно-шовинистической литературы» и др. Все это сопровождается непрерывными попытками обеления «на научном уровне» украинских националистов, вплоть до полного отрицания такого явления, как украинский коллаборационизм, в трудах В. Косика, О. Романива, М. Коваля, В. Сергийчука и др. [1, с. 10, 178; 18, с. 147].

Странно, что приходится напоминать о таких общеизвестных фактах, например, что все главы Провода ОУН — Е. Коновалец, А. Мельник, С. Бандера, Я. Стецько — были агентами немецких спецслужб еще с 1930-х годов. Это подтверждено неоднократно опубликованными показаниями полковника абвера Э. Штольце: «С целью привлечения широких масс для подрывной деятельности против поляков нами был завербован руководитель украинского националистического движения полковник петлюровской армии белоэмигрант Коновалец... Вскоре Коновалец был убит. ОУН возглавил Андрей Мельник, которого, как и Коновальца, мы привлекли к сотрудничеству

с немецкой разведкой... в конце 1938 или в начале 1939 г. Лахузену была организована встреча с Мельником, во время которой последний был завербован и получил кличку „Консул“... Германия усиленно готовилась к войне против СССР и поэтому по линии абвера принимались меры активизации подрывной деятельности, т. к. те мероприятия, которые проводились через Мельника и др. агентуру, казались недостаточными. В этих целях был завербован видный украинский националист Бандера Степан, который в ходе войны был немцами освобожден из тюрьмы, куда был заключен польскими властями за участие в теракте против руководителей польского правительства» [2].

Почти все командиры так называемой УПА — бывшие офицеры немецких частей. 1939 год: «Украинский легион», он же спецподразделение «Бергбауэрхальфе» (Р. Сушко, И. Корачевский, Е. Лотович), воевавший в составе вермахта против Польши. 1941 год: спецбатальоны абвера «Роланд» и «Нахтигаль» (гауптштурмфюрер Р. Шухевич, штурмбаннфюрер Е. Побигущий, гауптманы И. Гриньох и В. Сидор, оберст-лейтенанты Ю. Лопатинский и А. Луцкий, лейтенанты абвера Л. Ортынский, М. Андрусак, П. Мельник) — все они впоследствии перешли в полицейский «шущманшафт-батальон-201» и УПА. Командир «Буковинского куреня» и военный референт ОУН(М) П. Войновский — штурмбаннфюрер и командир отдельного карательного батальона СС в Киеве. П. Дяченко, В. Герасименко, М. Солтыс — командиры «Украинского легиона самообороны» ОУН(М) на Волини, он же «шущманшафтбатальон-31», подавлявший Варшавское восстание в 1944-м. А также Б. Коник (шб-45), И. Кедюмич (шб-303) — палачи Бабьего Яра; К. Смowski (шб-118) — на его совести Хатынь; шб № 3 — Кортелисы. А еще многочисленная «украинская вспомогательная полиция» (К. Зварыч,

* Юлий Федоровский — кандидат исторических наук, доцент (Луганск).

Г. Захвалинский, Д. Купяк), в 1943-м в полном составе влившаяся в дивизию СС «Галичина». Это не считая разнообразных команд «абверштелле» (М. Костюк, И. Онуфрик, П. Глынь). Нельзя не согласиться с тезисом известного канадского ученого В. В. Полищука, что «ОУН залишалась вірною Великонімеччині до 9 травня 1945. Тільки в ОУН Бандери була невеличка — до 3 місяців — перерва у співдії з окупантами — це коли утворювалися її „власні сили“... (кінець 1942 — початок 1943)» [3].

Вспомним и «Акт відновлення Української держави» от 30.6.1941 с его известным 3-м пунктом, старательно вырезаемым во всех бандеровских «документальных» публикациях. Сам Бандера еще 3 июля 1941 г. на встрече с немецкими чинами (госсекретарь Кундт, судья Бюлов, полковник Бизанц, доктор Фель) говорил: «Великогерманская власть, а именно национал-социалистская власть, является нашим главным союзником и по сей день стоит на нашей стороне. ОУН разными методами сотрудничала с немецкими руководящими инстанциями. Они совместно с немцами боролись против Польши и тоже понесли потери, сотрудничая с Германией в той форме, в какой им было позволено. В эти последние два года нами велась также борьба против большевизма, конспиративно и лишь в той форме, что разрешалась немецкими инстанциями, с которыми велось сотрудничество, причем политическому статусу Германии это ничем не угрожало». Странно выглядит ситуация, что в многочисленных киевско-львовских «документальных» переизданиях В. Сергийчука, В. Косика эти слова отсутствуют, они приводятся лишь в книге С. Чуева, вышедшей в Москве [4].

Бандере вторил Я. Стецько в своем «коммуни-кате» от 4.8.1941, призывая оуновцев «допомогати всюди німецькій армії розбивати Москву». Тогда же в августе им была распространена разъяснительная директива, в которой подчеркивалось, что «ОУН не піде» против фашистов, а «буде старатися знайти зрозуміння з німецької сторони для спільності німецько-українських інтересів... ОУН трактує Німеччину як союзну силу... Цим фактом нормується в теперішній час відношення ОУН до Німеччини» [5, с. 80–81]. Затем уже якобы «арестованный» Бандера в письме рейхсминистру А. Розенбергу от 14.8.1941 неоднократно подчеркивал: «ОУН бажає співпраці з Німеччиною не з опортунізму, але зі свідомості про конечність цієї співпраці для добра України... ОУН ЗА ДАЛЬШУ СПІВПРАЦЮ З НІМЕЧЧИНОЮ» [14, с. 183]. Как мемуарил Е. Стахив, еще в декабре 1941 он довольно свободно получил свидание с «арестованным» Бандерой, который вручил ему письмо для передачи «урядуючому провіднику» М. Лебедю. Не удержавшись, Стахив взглянул в него и прочел: «...щоб не провадити ніяких акцій проти німців, антінімецькі виступи є шкідливі і треба якось направити українсько-німецькі стосунки». И это писалось в тот момент, когда немцы уже

вовсю арестовывали своих незадачливых «союзников». Комментируя, Стахив пишет: «Через 40 років я говорив про те з М. Лебедем, але він сказав мені, що не пригадує, щоб я приносив йому якийсь таємний папір. Ще через 5 років ми повернулися до тієї розмови... Він сказав: „Так, я пам’ятаю. Але я не хотів, щоб ви про те розповідали людям. Не треба, щоб історія знала правду“» [6, с. 110–111]. Очень красноречивое признание...

Уже после войны историографы ОУН С. Мудрик (экс-комендант полиции в Огядове) и П. Мирчук («походная группа ОУН»), пытаясь открититься от сотрудничества с гитлеровцами, придумали миф о том, что все переговоры с немцами — это личная, не согласованная с Проводом инициатива двух полевых командиров УПА «Сосенко» (П. Антонюк) и «Орла» (Олейник), которых торжественно осудили и расстреляли весной 1944 года. Однако эта пара стала просто громоотводом. Внимательное изучение документов показывает, что и здесь бандерофилы не обошлись без лжи. Антонюк и так был на подозрении у «Службы безпеки» ОУН как противник мельниковско-бандеровской усовицы (об этом вспоминал бывший вояк УПА, а потом диссидент Д. Шумук). К полевому же суду его привлекли за военное поражение: в январе 1944 курень «Сосенко» был разгромлен партизанами-ковпаковцами. А в УПА существовала такая практика: раз проиграл, значит, «совітський агент», надо осудить и расстрелять. К тому же Антонюк оказался «засвечен»: факт его переговоров с немцами в декабре 1943 года и настоящее имя были обнародованы в «Обращении Президиума ВС УССР и СНК УССР» от 12.2.1944. «Орел» же «засветился» на переписке — его послание от 5.3.1944: «Друже Богдан... я договорился с немецким капитаном Офштом...» было захвачено в бою партизанами отряда А. Федорова и, видимо, опубликовано в советской прессе. По формальной логике вещей выходит, что командование УПА узнавало об инициативах своих подчиненных исключительно из советских газет. И демонстративно реагировало: «Сосенко» и «Орел» были расстреляны в марте и апреле 1944 г. соответственно.

На самом деле переговоры оуновского руководства о сотрудничестве с немцами против советских партизан проходили еще в августе 1943 в Сарнах Ровенской области и в Берлине. 1 января 1944 г. секретный договор о сотрудничестве в Рава-Русском районе был подписан между Т. Магаресом и С. Руденко от УПА и оберштурмфюрерами СС О. Рюкерихом и А. Унбелем от немецкой полиции СД. В феврале 1944 г. была достигнута договоренность между штабом 13-го армейского корпуса вермахта (генерал Хауфе) и ОУН-УПА в Дубновском и Костопольском районах [8, с. 68–77]. На Холмщине аналогичный договор с немцами подписал окружной военный референт ОУН П. Шкоропар. А с 5 марта по июнь

1944-го в Тернополе и Львове проходили секретные переговоры между уполномоченным членом Центрального провода ОУН «Герасимовским» (И. Гриньох) и руководством СД «дистрикта Галициен» (гауптштурмфюреры Крюгер и Паппе и оберштурмбаннфюрер Витиска). Материалы этих переговоров были захвачены при советском наступлении, но опубликованы гораздо позже. В педантичных немецких рапортах зафиксированы такие откровения экс-капеллана «Нахтигала»: «Группа ОУН под руководством Бандеры никогда не считала своими противниками немцев... О враждебности по отношению к Германии никогда не было и речи... Лишь в феврале 1943-го бандеровская группа ОУН приступила к формированию военных отрядов... Она достаточно благоразумна, чтобы ни разу не потребовать освобождения Бандеры... ОУН готова сотрудничать с немцами во всех военных областях, которые окажутся необходимыми... Вообще, всякие антигерманские тенденции никогда не исходили в приказном порядке от бандеровской группы ОУН и никогда не будут исходить впредь». Как комментировал германский представитель, «можно с уверенностью ожидать, что бандеровская группа ОУН и УПА пойдут на еще большие уступки и встречные услуги» [9]. Более того, Гриньох высказал уверенность, что Бандера непременно санкционирует эти контакты и соглашения, если им дадут встречу. Судя по всему, так и произошло, ведь известно, что 28 сентября 1944 г. Бандера был выпущен из спецотделения Целленбау Заксенхаузена под напутствие самого рейхсфюрера СС Г. Гимmlера: «Необходимость вынужденного пребывания под арестом, вызванная обстоятельствами, временем и интересами дела, отпала. Начинается новый этап нашего сотрудничества — этап более ответственный, чем ранее...» [10, с. 53].

Один из сегодняшних ученых-бандерофилов М. Коваль сильно сокрушался: дескать, немцы так подставили своих партнеров по переговорам, вовремя не уничтожив документы при эвакуации [18, с. 156]. А ведь действительно, успели бы сжечь пару папок — и необандеровцы заверяли бы, что никаких переговоров с немцами не вели. На деле же оуновские главари хранили верность рейху до последнего. Еще весной 1945 г. группа — И. Гриньох, В. Стахив, Я. Стецько, М. Матвиейко — готовила базы для нацистского «Вервольфа» в Альпах и Баварии. И кстати, однажды угодила под обстрел с американского самолета, и Стецько был ранен [11]. Сам Бандера в начале 1945 года, инструктируя оуновцев из «абверкоманд», очутился в Кракове в советском тылу, откуда его выводил лично Отто Скорцени: «Это был трудный рейс. Я вел Бандеру по радиомаякам, оставленным в тылу ваших войск, в Чехословакии и Австрии... Гитлер приказал мне спасти его, доставив в рейх для продолжения работы, — я выполнил эту задачу» [12].

Даже диаспорная «Энциклопедія українознавства» признает: «Хоч гаслом українського націоналізму була „орієнтація на власні цілі“, однак у своїй зовнішній політичній концепції він покладався на союз з Німеччиною» [7, с. 1725].

Коллаборационизм ОУН не ограничивался немцами. Программный национал-экстремизм с самого начала роднил ее и с известным тогда итальянским фашизмом. Как писал идеолог ОУН Н. Сциборский: «Основні ідеї фашизму не замкнулися в самій Італії, а швидко поширили свій вплив у цілому світі, посилюючи та оформлюючи той суспільно-політичний процес, що по останній війні стихійно вибував серед різних народів; це — націоналізм. Самий фашизм, це насамперед націоналізм» [13]. Газета ОУН «Наш клич» от 9.7.1939 подчеркивала: «Під іменем українського націоналізму ми привикли розуміти певну суть — це суспільно-політичний рух, який існує сьогодні в усьому світі. В одній країні він проявляється як фашизм, в іншій як гітлеризм, а в нас просто націоналізм» (эта же мысль повторена в «Ідея і чин. Вишкіл українського націоналіста», 1940). И еще: «Наше завдання — поширення фашистської ідеології» [10, с. 25]. Последняя цитата принадлежит другому идеологу ОУН Е. Онацкому. Экс-секретарь Центральной Рады, осевший после Гражданской войны на Апеннинах, преподавал в фашистских вузах Неаполя и Рима, выступал с программными статьями по оуновско-фашистскому сближению и в 1929 г. был назначен «тереновим провідником ОУН на всю Італію».

Малоизвестный факт: по его инициативе под патронатом местной разведки в начале 1930-х гг. на территории Италии были созданы нелегальные военные лагеря, в которых вместе с хорватскими усташами проходили диверсионно-террористическую подготовку боевики ОУН, бежавшие из Польши после совершения различных терактов. Здесь учились подорывному делу Роман Кучак (нападение на почтовую карету под Бирчей), Ярослав Билас (подготовка налета на почту в Городке), Михаил Гнатив (соучастие в убийстве Т. Голувка), Гриць Купецкий и Гриць Файда (налет на почту в Городке), Левко Крисько (налеты на банки в Бориславе и Трускавце), Михаил Колодзинский (в 1932–1933 гг. боевой референт КЭ ОУН), Олекса Бандера (брат Степана) и многие другие. Правда, со временем это стало известно полякам, и они заявили официальный протест. Лагеря закрыли, но кадры не пострадали: до 1937 г. они пребывали на Сицилии, а затем плавно перебазировались в Австрию, где были открыты аналогичные лагеря, например Зауберсдорф в Альпах. Только инструкторами тут выступали уже не итальянские фашисты, а немецкие нацисты. И кадры пополнились бывшими вояками «Карпатской Сечи», бежавшими в 1939 от мадьяр (В. Стахив, Яр. Бойдунник). Навещали эти лагеря и японцы из военного атташата — в сопровождении члена Центрального провода ОУН Р. Ярого [6, с. 86–89].

Продолжением итало-оуновского коллаборационизма является деятельность одного из бандеровских главарей — «заступника провідника» Я. Стецька. Проживая с 1938 г. в Италии, он был завербован местной разведкой ОВРА под псевдонимом «Белендис». Одно из его донесений было перехвачено конкурентами из ОУН (Мельника) и обнародовано в «Коммуникате» референтуры пропаганды ПУН от 11.10.1940: «В эти дни через определенное учреждение руководящие чины ОУН получили оригинальные письма члена „революционного провода“ Стецька-Карбовича, которые он передал в итальянский МИД в Риме. Упомянутые письма Стецько подписал псевдонимом „Белендис“. В этих письмах Стецько-Белендис информирует...» [16, с. 95]. А Онацкий продолжал свою деятельность в Италии вплоть до свержения Муссолини и своего ареста в сентябре 1943 года.

Венгрия не была большим другом Украины. Как пишут современные учебники, она соучаствовала в разделе украинских национальных земель, оккупировав в марте 1939 г. суверенную державу «Карпатская Украина» и расстреляв здесь некоторое количество оуновских боевиков из так называемой «Карпатской Сечи». Так что летом 1941 года ОУН даже выпустила листовку: «Народе! Знай! Москва, Польща, Мадяри, Жидва — це все твої вороги. Нищ їх!». Тем не менее в августе 1943 г. шеф разведки УПА-Юг Андрей Дольницький («Голубенко») у с. Коношки Здолбуновского района Ровенской области встретился с командирами венгерской оккупационной армии капитаном Буричем и старшим лейтенантом NN и договорился с ними о сотрудничестве на территории Дубновского и Костопольского районов. На основании этой договоренности 9.10.1943 был издан приказ.

«Секретный приказ № 21.

Командирам и казакам УПА. Комендантам и работникам подполья ОУН.

В связи с политической обстановкой и определенными настроениями, которые требуют от нас чрезвычайного чувства политической гибкости, приказываю:

1. Прекратить какие-либо агрессивные действия против мадьяр на территории всего военного округа.
2. Договориться на местах с командованием мадьярских подразделений с целью предупреждения выступлений одной стороны против другой.
3. В отношении мадьяр быть приветливыми и предупредительными... Слава Украине!

Командир группы УПА Эней» [8, с. 68].

Об этом было доложено главкому УПА Дмитру Клячковскому («Клим Савур»), который одобрил действия «Голубенко» и «Энея» и предложил продолжить переговоры, назначив в подкрепление политического референта Центрального провода ОУН Омеляна Логуша («Иванив»). После встречи последнего с чле-

нами Главного штаба венгерских войск на Украине подполковником Падани и майором Вецкенди был подписан такой договор:

«1. Венгерское командование не будет вести никаких враждебных действий против УПА и украинского населения.

2. Подразделения УПА не будут проводить политических и вооруженных выступлений против венгерских гарнизонов на Украине...

5. Венгерское командование будет сообщать командованию УПА о деятельности советских партизанских подразделений или коммунистической разведки. Командование УПА будет информировать венгерские штабы обо всех известных ему передвижениях большевистских партизан.

6. Венгерские гарнизоны могут получать от хозяйственных подразделений УПА необходимое продовольствие. В свою очередь, они будут передавать для УПА соответствующее количество оружия, боеприпасов, а также другие технические материалы...» [17, с. 49].

Переговоры эти проходили с 25 декабря 1943 г. по 3 января 1944 г. в с. Дермань Мизоцкого района. В это время в соседнем с. Будераж Провод ОУН специально для венгров устроил вечер художественной самодеятельности и парад отрядов УПА. Развивая сотрудничество с оккупантами, Логуш вылетел на самолете венгерских ВВС во Львов, где была сформирована целая полномочная делегация Центрального провода ОУН: Е. Врецьона, А. Луцкий, В. Мудрый. В январе 1944 г. они тем же самолетом отправились в Будапешт, где провели ряд встреч с представителями венгерского командования. Полковник Шотани даже заверил оуновцев, что о переговорах проинформирован сам регент Венгрии адмирал М. Хорти, и дальновидно пообещал «в случае необходимости предоставить возможность эмиграции в Венгрию руководителям оуновского подполья на Украине».

Румыния также не была великим симпатиком украинской нации. В довоенные годы здесь вообще не признавалось существование такой национальности. На захваченных землях Буковины и Бессарабии запрещалось существование каких-либо национальных организаций, а местное население официально называлось «румынами, забывшими родной язык». Фашистское правительство маршала И. Антонеску присоединилось к гитлеровской агрессии против СССР, получив в награду территорию Южной Украины до Днестра, так называемую «Транснистрию». Однако это не помешало еще в 1940 году жителю Черновцов Оресту Зибачинскому, областному проводнику ОУН Буковины, сотрудничать с румынской и немецкой разведками, а после установления здесь советской власти бежать в Бухарест. Служил в «сигуранце» и его преемник — отставной поручик румынской армии Петр Войновский (в ОУН «Василь», в гестапо «Максим», в абвере

«Гартман»). В 1941-м, когда он объявил о переходе в ОУН (Мельника), бандеровцы послали в Буковину своего «ревизора» М. Кобзаря, который в отчете дал весьма нелицеприятные характеристики местным «проводникам»: «Зибачинський вщеплював в людей, яких він виховував, свої прикмети: дурну хворобливу амбіцію, жадобу кар'єри. Для деяких організація була засобом наживи. Він витворив на Буковині амбітно-виключницькі погляди... Петро Войновський, псд „Василь“. Це чоловік анальфабетний до праці, вихованець Зибачинського, людина надзвичайно злосна, обмежена, вузькоглядна і амбітна... Внаслідок такої праці всі його ненавиділи» [19, с. 130–132].

После начала Великой Отечественной местные оуновцы устроили резню «просоветских элементов», а затем Войновский, собрав актив в так называемый Буковинский курень, двинулся по маршруту Снятин — Каменец — Жмеринка — Проскуров — Винница — Житомир — Киев, участвуя в ряде массовых расстрелов мирного населения под контролем немцев. В финале — сентябрьские 1941 года расстрелы в Бабьем Яру, после чего «буковинцы» растеклись по «щучманшафт-батальонам» — 109-й, 115-й, 118-й. Преемник Войновского «провидник» Д. Звизда руководил расстрелом трехсот мирных жителей Заставнинского района в Приднестровье, но после выполнения грязной работы румыны ликвидировали и его самого.

Как сказано в протоколе допроса М. Павлишина от 18.11.1944: «ОУН в целях усиления своей антисоветской деятельности имеет намерение войти в контакт с государствами — сателлитами Германии» [20, с. 458]. В мае 1943 г. по указанию Южного краевого провода ОУН проводник «Транснистрии» Т. Семчишин установил через оуновку М. Залесскую связь с местными «железнодорожниками» (румынскими фашистами). В октябре 1943 г. проводник ОУН Одессы М. Павлишин и референт пропаганды М. Чепига завязали контакт с руководителями румынского разведцентра № 3 подполковником Пержу и капитаном Аргир. В ноябре сам проводник «Транснистрии» Семчишин и Чепига достигли соглашения о сотрудничестве и совместно с Пержу выезжали в район г. Снятин, где встречались с представителями Центрального провода ОУН для его утверждения. В начале 1944 г. Семчишин с двенадцатью оуновцами попытался пробиться на Западную Украину, но не смог из-за наступления Красной Армии и вернулся в Румынию, где пошел на связь к начальнику разведки 6-й армии полковнику Ионеску. Одновременно в марте 1944 г. в Галац вместе с разведцентром № 3 прибыли Павлишин и Чепига, которые от имени ЦП ОУН вели переговоры с Ионеску и майором Кулерару.

Согласно договору, в июне–июле 1944 г. Павлишин обратился в «министерство справедливости» Румынии и вместе с его представителем Кафри-

цом объехал местные тюрьмы для освобождения арестованных оуновцев (всего около ста человек). «Со 2 апреля по 27 августа с.г. мы финансировались румынами», — признавал Павлишин [20, с. 465]. В апреле–июле 1944 г. он по своей инициативе организовал в Галаце шпионское обучение при разведцентре № 3, после чего окончившие курс шесть оуновцев были заброшены в УССР. В их числе — агенты Караванский и Гдешинский. Много позже, работая «демократическим диссидентом», Святослав Караванский пытался откреститься от неприятного прошлого, преуменьшая оуновско-шпионские эпизоды биографии. Однако в показаниях М. Павлишина четко сказано: «Караванский Славко, псевдоним „Бальзак“, 1919–1920 г.р. ... при немцах — студент философского факультета г. Одесса. Член ОУН с января 1943-го... в организации был звеньевым, имел на связи 2 студентов. Намечался на хозяйственного референта Одесской областной экзекутивы ОУН... С группой в 6 оуновцев, в которую входили Караванский, Ткаченко... в Галаце я систематически в течение месяца проводил занятия по разведработе и радиоделу... 21 июля 1944 г. в 12 часов ночи на том же самолете вылетел агент-радиотелеграфист Караванский в паре с оуновцем Гдешинским, которые были выброшены на парашютах в Очаковском районе Одесской области... получили задание собирать политическую и экономическую шпионскую информацию о жизни в СССР, о приказах по Красной Армии... 15–17 августа принял радиogramму вторую от Караванского...» и т.д. [20, с. 449–468]. Параллельно с этим в Северной Транснистрии (район Черновцов) облпроводник Буковины Артемизия Галицкая («Мотря») организовала переговоры Референтуры внешних связей ОУН (М. Лебедь) с румынскими оккупационными властями [21, с. 18].

Одним из последних «дипломатических» прорывов РВС ОУН уже в начале 1945 года стала Хорватия. Референтура и лично Лебедь, дислоцировавшиеся тогда на территории марионеточной профашистской «Словацкой республики», направили на встречу с хорватским послом в Братиславе члена Центрального провода Омеляна Антоновича. На всякий случай «активизировали» и старые знакомства — связанного с усташами Антона Ивахнюка. Антонович после Братиславы в январе 1945 г. отправился в Загреб, столицу «Независимого государства Хорватия», где имел официальную встречу с «поглавником» Анте Павеличем. На встрече была озвучена «дипломатическая нота» на немецком языке с положенными фразами о давней дружбе, тесном сотрудничестве и будущем союзе. Оуновца приняли благосклонно — аудиенция длилась шесть минут. Повторный визит О. Антоновича в марте 1945 г. проходил уже без дипломатических условностей: надо было срочно организовать конкретное дело — эвакуацию оуновских главарей. М. Лебедь,

С. Ленкавский, И. Багряный и многие другие то ропливо пробирались в Хорватию, чтобы потом через Австрию переправиться в западногерманский Мюнхен, ставший столицей послевоенной оуновской эмигрантщины [22, с. 330–337].

Не оставляли националисты своим вниманием и Дальний Восток. Еще в 1931 году лично Коновалец («полковник Вера») посетил Маньчжурию и вошел в контакт с представителями японской спецслужбы (полковник Х. Ошима). Потом в 1935-м здесь всплыл представитель ОУН М. Митлюк, через год его сменил М. Милько. А в 1937 г. сюда была командирована троица Г. Купецкий — Г. Файда — М. Гнатив. Первый по рекомендации Онацкого возглавил «станцию ОУН» в Харбине, а по рекомендательным письмам японских атташе из Берлина и Рима имел встречи с генералом Угаи, полковниками Акикудзу и Йошинама. Для оуновцев были организованы «советознавчі курси», которые вели Иноде-сан, Такаси, Такахаси. Для активизации пропаганды пришлось «начать интенсивное изучение русского языка» и принять совершенно москальские псевдонимы. Купецкий стал «Борисом Марковым» и возглавил «Дальневосточную Сечь», Гнатив превратился в «Сергея Васильева». По санкции японской разведки они вели националистическую пропаганду в лагерях беженцев, которая дала «большой эффект» — в лагерях начались драки на национальной почве, что с гордостью подчеркивают украинские историки типа П. Мирчука как признак пробуждения «національної свідомості». Правда, с началом

Второй мировой войны японцы утихомирили разгулявшихся «сечевиков»: в 1940 году «ДВС» была закрыта. Украинцам осталась незавидная роль лагерных вербовщиков кадров для японской разведки. В 1944 г. «Б. С. Марков» стал секретарем реорганизованного Украинского нацкомитета, а в августе 1945-го, накануне прихода Советской армии, большинство оуновцев сбежали из Харбина в Шанхай, где была создана «Украинская громада» под руководством «С. И. Васильева» [15, с. 119–130].

Не передохнув от военного коллаборационизма с фашистами, оуновцы сразу же включились в сотрудничество с англо-американскими спецслужбами, протезировавшими разведку ФРГ. Как вспоминал бывший агент БНД И. Вергун: «Мне известно, что в 1948 г. сотрудником геленовской [западногерманской] разведки был завербован священник И. Гриньох с целью подрывной деятельности против СССР и Польши... Я лично знал в лицо нескольких агентов, которых он забрасывал на Украину» [8, с. 89].

Так что, как видим, в своем коллаборационизме оуновцы были настоящими интернационалистами: Италия, Венгрия, Румыния, Хорватия, Япония, Германия... Общность целей (борьба против СССР) и методов (террор и шпионаж) роднили ОУН с наиболее реакционными элементами Европы и мира, что однозначно ставило организацию по одну сторону с фашизмом, разгромленным в ходе Второй мировой войны, но сейчас, к сожалению, возрождающимся на волне «нового правого национализма».

¹ Косик В. Україна і Німеччина у 2 Світовій війні. Париж — Львів: НТШ, 1993. 660 с.

² Рабочая газета. 29.11.1990; Правда. 4.5.1991; Военно-исторический журнал. 1991. №4; Киевские новости. 1993. №26; Коммунист. 1999. №35 и др.

³ «2000». 4.8.2006, F5.

⁴ Чуев С. Украинский легион. М.: Яуза, 2006.

⁵ Український історичний журнал. 1988. №5.

⁶ Стахів Є. Останній молодогвардієць. К.: Варта, 2004. 496 с.

⁷ Енциклопедія українознавства. Париж — Нью-Йорк: Молоде життя, 1966. Т. 5.

⁸ Обвиняет земля. ОУН: документы и материалы. М.: Универсум, 1991. 158 с.

⁹ Український історичний журнал. 1994. №6. С. 108–112; 1995. №1. С. 88; 1995. №2. С. 103.

¹⁰ Хто є хто? Політичні портрети. К., 1991. 88 с.

¹¹ Звернення Мирона Матвієйка до членів і симпатиків ОУН... К., 1960.

¹² Skorzeny O. Meine Kommandounternehmen: Krieg ohne Fronten. Wiesbaden, Munhen, 1975.

¹³ «2000». 12.10.2007, F4.

¹⁴ Український визвольний рух. Збірник №1. Львів: Мс, 2003. 208 с.

¹⁵ Український визвольний рух. Збірник №5. Львів: Мс, 2005. 240 с.

¹⁶ Біла книга ОУН. Краків, 1940. 103 с.

¹⁷ Літопис УПА. Торонто, 1984. Т. 5.

¹⁸ Коваль М. Україна у 2 Світовій і Великій Вітчизній війнах. К.: Альтернативи, 1999. 336 с.

¹⁹ Сергійчук В. Український здвиг: Прикарпаття. К.: УВС, 2005. 840 с.

²⁰ Сергійчук В. Український здвиг: Наддніпрянина. К.: УВС, 2005. 836 с.

²¹ Содоль П. УПА. Довідник другий. Нью-Йорк: Пролог, 1995. 296 с.

²² Антонович О. Спогади. Ч. 1. К. — Вашингтон: Август, 1999. 392 с.